

Причины оседлости сжимающихся городов в общественном мнении (на примере г. Волгограда)

Ольга Е. Акимова¹, Сергей К. Волков¹, Евгений Г. Ефимов¹

¹ *Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, 400005, Россия*

Получено 9 June 2022 ♦ Принято в печать 19 February 2023 ♦ Опубликовано 28 April 2023

Цитирование: OE Akimova, SK Volkov, EG Efimov (2023 Reasons for sedentarism of shrinking cities in public opinion (evidence from Volgograd city). Population and Economics 7(1):77–89. <https://doi.org/10.3897/pop econ.7.e87602>

Аннотация

Сжатие городов стало массовым явлением как в зарубежных странах, так и в России начиная с конца XX века. До сих пор немаловажным представляется вопрос о том, почему некоторые старопромышленные города преуспевают в современной глобальной сети сравнительных преимуществ и специализаций, в то время как другие терпят неудачу и сталкиваются с сокращением населения. В статье предпринята попытка восполнить существующий пробел в исследовании причин, заставляющих жителей сжимающихся городов оставаться в них. Они были определены как «причины оседлости», под которыми авторы предлагают понимать обстоятельства, удерживающие жителей от переезда в другой город/регион/страну при наличии устойчивых миграционных намерений. С целью выявления причин оседлости авторами было проведено анкетирование студентов учебных заведений г. Волгограда и области с использованием онлайн-анкеты, созданной на платформе «Гугл-формы». В исследовании использовалась неслучайная выборка (метод «снежного кома»). Настоящее исследование подтверждает первостепенность экономических причин оседлости в сжимающихся городах и необходимость реализации адекватной и системной экономической политики, способствующей инновационному развитию территорий. Анализ ответов показывает, что вторыми по значимости причинами, после материальных, удерживающими студентов сжимающихся городов от смены места жительства, являются социально-психологические: стремление к сохранению социальных связей (семья, друзья, родственники) и боязнь смены обстановки.

Ключевые слова

сжимающиеся города, причины оседлости, миграция, уровень жизни, качество жизни

Коды JEL: R0, R1

Введение

Феномен сжимающихся городов носит глобальный характер, который связывается исследователями в первую очередь с сокращением численности населения [Cattaneo, Robinson, 2020]. Чаще всего ученые характеризуют сокращение населения как долгосрочную депопуляцию, вызванную демографическими причинами, такими как старение и низкая рождаемость [Hospers, 2013]. Причина «сжатия» городов связана с асинхронностью спроса и предложения на рынке труда. Экономически активные города создают больше возможностей для трудоустройства и более привлекательны для молодежи [Arnott, Chaves, 2012]. Обобщенное определение сжимающегося города может быть сформулировано следующим образом: тип города, в котором присутствует феномен депопуляции экономически активного населения, в том числе молодежи, который сопровождается снижением качества жизни населения, оттоком бизнеса, маргинализацией и криминализацией социального пространства городов.

Для территориального менеджмента, в целях устойчивого развития, необходимо понимать причины привлекательности территории и управлять ими для привлечения дополнительных ресурсов развития (в том числе и человеческих). Однако еще более важным, на наш взгляд, представляется понимание того, что заставляет местных жителей оставаться в сжимающихся городах. Основной целью настоящего исследования является выявление причин оседлости сжимающихся городов с позиции молодого поколения, поскольку именно оно формирует человеческий потенциал для будущего экономического развития региона. Выявление их мотивации и жизненных установок позволит скорректировать политику, проводимую властями сжимающихся городов, в целях изменения тренда оттока населения.

Анализ литературы

Исследования феномена сжимающегося города начались еще в 1980 г., однако до сих пор не выработано общепринятого определения данного термина. Наиболее концептуальную формулировку понятия «сжимающийся город» предложили Grossmann et al. [2008], которые раскрывают его через специфику взаимодействия макропроцессов с локальными структурами. Данные макропроцессы связаны с общим экономическим и демографическим развитием, расширением систем расселения, а также экологическими проблемами или политическими и административными изменениями. «Сжатие» происходит в городах, где подобное взаимодействие приводит к сокращению численности населения, что и выступает в качестве ключевого индикатора сжатия.

Во всей совокупности исследований сжимающихся городов с 80-х годов XX века по настоящее время можно выделить несколько ключевых подходов.

Первая группа исследований рассматривает сокращение численности населения сжимающихся городов как часть эволюционного процесса или циклического тренда. С этой позиции сокращение численности населения, особенно в промышленных районах, интерпретируется как часть сдвигов в пространственной организации городов, особенно между городским центром и пригородными территориями [Couch, Cocks, 2013; Kabisch, Grossmann, 2013; Marta et al., 2020; Reckien, Martinez-Fernandez, 2011; van den Berg et al., 1982].

В рамках второй группы исследований уменьшение численности населения в городах и деградация их экономического потенциала рассматривается как неизбежный результат неравномерного экономического развития, при котором одни территориальные образования растут, а другие сокращаются [Solow, 1956; Armstrong, Harwey, 2000; Harvey, 1989; Massey, 1979; Amin, Thrift, 1994]. Изменение численности населения в данном случае вследствие миграционных

перемещений – рассматривается как естественная реакция населения на пространственные различия в количестве и уровне возможностей трудоустройства или в качестве предлагаемой жизни. Жители городов и городских районов с отсутствием работы или более низким качеством жизни (например, с загрязненной окружающей средой или дорогостоящим жильем) уезжают в более привлекательные регионы с лучшими перспективами [Tiebout, 1956].

Третья группа исследований рассматривает убыль населения в контексте «внутренних» демографических изменений. Некоторые ученые интерпретируют эти изменения как часть так называемого «второго демографического перехода» в репродуктивном поведении, формировании домохозяйств и готовности к миграции [Zaidi, Morgan, 2017], в то время как другие рассматривают такое поведение как реакцию на шоковые события, такие как технологические сдвиги, или как способ адаптации населения к изменяющимся социально-экономическим условиям, как это было в постсоциалистических странах начиная с 1990 года [Rabušić, 2001; Steinführer et al., 2010].

Четвертая группа исследований связывает «сжатие» городов с процессами глобализации. Первопричина сжатия городов объясняется при этом отсутствием промышленной диверсификации в конкретных городских зонах, что увеличивает политическую и экономическую мощь крупных транснациональных компаний и ослабляет способность рабочих защищаться от сокращения инвестиций и последующей деиндустриализации городов. Отсутствие экономического разнообразия (разветвленной отраслевой структуры) в старопромышленных городах препятствует их развитию по модели промышленного центра и лишает рабочих мест [Martinez-Fernandez et al., 2012; Silverman, 2018; Bartholomae et al., 2017].

В подавляющем большинстве современных исследований причины «сжатия» городов рассматриваются с позиций неравномерности экономического развития, понимаемого крайне узко, только в аспекте трансформационных и инвестиционных причин, что обусловлено доминированием неоклассической парадигмы в теориях региональной и городской экономики.

Поскольку с конца XX века сжатие городов становится массовым явлением как в зарубежных странах, так и в России, многих исследователей интересуют не только причины сжимания, но и проблемы возрождения старопромышленных городов. Ориентирами развития сжимающихся старопромышленных городов являются эмпирические модели-эталоны, такие как «сервисный город», «обучающийся город», «креативный город», «умный город». Немаловажным вопросом является то, почему некоторые старопромышленные города преуспевают в современной глобальной сети сравнительных преимуществ и специализаций, в то время как другие терпят неудачу и сталкиваются с сокращением населения [van der Waal, Burgers, 2011; Couch, Cocks, 2013; Bassett, 2017]. В этой связи особую значимость приобретают проблемы привлекательности сжимающихся старопромышленных городов. Какие причины побуждают население оставаться в сжимающемся городе, какие позволяют привлекать новых людей? Анализу причин привлекательности сжимающихся городов в настоящее время уделено недостаточно внимания.

Наиболее развернутым исследованием причин привлекательности сжимающихся городов можно считать работу D. Reckien and C. Martinez-Fernandez [2011], в которой основное внимание было уделено пространственному несоответствию, приводящему к разрастанию пригородов, и выделению причин сжимания и разрастания старопромышленных территорий. Выявлению причин притяжения и выталкивания, определяющих привлекательность сжимающегося города, также посвящены работы [Cheshire, Magrini, 2006; Royuela et al., 2010; Guimarães et al., 2016] (на примере Португалии). По их мнению, сочетание пространственных (эстетика, наличие и доступность зеленых зон), человеческих (включая социальные отношения) и функциональных аспектов (благополучие, наличие общественного транспорта) может влиять на решения о миграции с позиции качественного восприятия окружающей среды сжимающегося города.

Ряд авторов считают, что сжимающиеся города могут представлять интерес для тех или иных слоев населения, не выявляя при этом причины привлекательности. Так, например,

К. Паллагст полагает, что сжимающиеся города могут сохранять некоторую привлекательность, поскольку они предлагают возможности для улучшения образа жизни оставшихся жителей [Pallagst et al., 2009]. Эта идея подтверждается исследованиями Е. Делкена и Дж.Б. Холландера, которые показали, что жители сжимающихся городов, несмотря на экономический и демографический упадок, могут ощущать себя счастливыми с точки зрения их субъективного восприятия [Delken, 2008; Hollander, 2011].

Отдельные исследования посвящены выявлению психологических и социальных причин привлекательности территории, однако не с позиции сжимающегося города. С помощью гедонистических моделей [Chen, Jim, 2010; Waltert, Schläpfer, 2010] изучались такие причины привлекательности территории, как удобство и качество обслуживания. К психологическим причинам, мешающим жителям покинуть город (Grzeskowiak et al., 2003; Hidalgo, Hernandez, 2001), были отнесены: привязанность к месту через материальные факторы (работа, быт) [Brown et al., 2003; Hidalgo, Hernandez, 2001], социальные связи [Coulton et al., 2012; Hospers, 2014] и лояльность к месту.

В отечественной науке проблема миграции молодежи изучалась в рамках широкого междисциплинарного контекста как на уровне страны в целом, так и региона. Как отмечает О.С. Чудиновских, в первые годы после распада СССР для молодежи была характерна «оседлость», которая позже сменяется мобильностью. Исследование 2014 г. зафиксировало значительный уровень региональной миграции выпускников как на уровне «школа – вуз», так и после получения высшего образования. В число наиболее высокооцениваемых характеристик мест миграции вошли приемлемый уровень жизни, культурная среда, толерантность общества [Варшавская, Чудиновских, 2014]. Сразу отметим, что роль экономического фактора доминирует практически во всех исследованиях подобной проблематики. Н.В. Зубаревич, рассматривая понятие «депрессивного города», прямо указывает на рост безработицы и спад производства как его главные признаки [Зубаревич, 2001; Зубаревич и др., 2020].

В исследовании группы сотрудников РАНХиГС авторы делают вывод, что ключевой причиной миграции выступает поиск работы, ради которой половина респондентов готова переехать в другой город [Клячко, Семионова, 2018]. Отметим также работы Н.В. Мкртчяна, в которых рассматривается проблематика возвратной миграции молодежи и делается вывод, что она обусловлена социальными, а не экономическими причинами [Мкртчян, 2017].

Региональная модель миграции описана в исследованиях А.О. Аверьянова, Е.Н. Шаровой, А.В. Одинцова и других. Для молодежи из области центром притяжения являются региональные центры, формируя, как указывает Т.Г. Нефедова, устойчивый тренд урбанизации [Нефедова, Мкртчян, 2017]. При этом возникает парадокс, когда высшие учебные заведения в центрах регионов стремятся выделиться на рынке образовательных услуг за счет предоставления качественного образования, но при этом фактически готовят кадры, которые «вымываются» из регионов в столицу [Шарова, 2015]. Здесь же имеет место усиление когнитивного диссонанса, поскольку качественное современное образование происходит с учетом цифровизации и усиливает отчуждение от индустриальных региональных структур [Аверьянов и др., 2021]. Отечественные исследования подобного рода затрагивают исключительно проблемы миграции и изучения миграционного потенциала в депрессивных регионах [Гильтман и др., 2020; Одинцов и др., 2020].

В данной статье была предпринята попытка восполнить существующий пробел в исследовании причин, заставляющих жителей сжимающихся городов оставаться в них. Данные причины были определены как «причины оседлости», под которыми, в рамках данного исследования, мы будем понимать обстоятельства, удерживающие жителей от переезда в другой город/регион/страну при наличии устойчивых миграционных намерений к смене места проживания.

Методология исследования

С целью выявления причин оседлости авторами было проведено социологическое исследование. Выбор формата исследования был обусловлен невозможностью проведения очных встреч и бесед с респондентами в силу неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной пандемией коронавируса. Опрос проводился анонимно, методом анкетирования в период с 15 мая по 01 июня 2021 г. с использованием онлайн-анкеты, созданной на платформе «Гугл-формы» (<https://docs.google.com/forms/u/0/>). Целевой аудиторией опроса являлись студенты всех форм обучения из образовательных организаций г. Волгограда и области. В исследовании использовалась неслучайная выборка (метод «снежного кома»). Всего в опросе приняло участие 614 респондентов. Социально-демографический состав был представлен следующими показателями: мужчины – 293, женщины – 322; возраст большинства респондентов составлял до 21 года (59,7%); место проживания подавляющего большинства опрошенных – г. Волгоград (81,3%), остальные являлись жителями области. Задача репрезентативности выборки не ставилась. Результаты исследования могут распространяться только на выборочную совокупность и использоваться как справочные.

В следующем разделе представлен краткий обзор существующей литературы по вопросам «сжимающихся городов», причинам данного феномена и проблемам возрождения старопромышленных городов. После этого представлена характеристика сжимающегося города с анализом показателей социально-экономического развития (на примере г. Волгограда). Далее следует анализ полученных результатов авторского исследования по выявлению причин оседлости жителей сжимающихся городов. В заключительном разделе настоящей статьи сформулированы выводы и практические рекомендации.

Социально-экономический портрет сжимающегося города (на примере г. Волгограда)

Волгоград представляет собой пример сжимающегося города. Ежегодная убыль населения города в среднем составляет порядка 700 человек (рис. 1). Это несмотря на то, что в 2010 году городские власти для сохранения статуса города-миллионника искусственно расширили административные границы города за счёт присоединения близлежащих поселков [Постановление..., 2010].

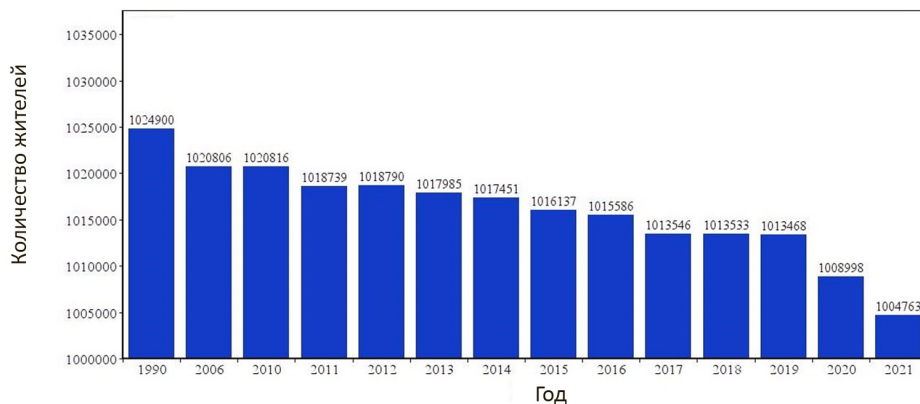

Рисунок 1. Численность населения г. Волгоград, 1990–2021 гг. *Источник:* составлено автором по данным Волгоградсостат.

Убыль населения г. Волгограда объясняется неустойчивыми темпами социально-экономического развития и низким качеством жизни населения. По итогам кризисного 2020 г., макроэкономические показатели развития города характеризовались отрицательными значениями по ряду отраслей. Наиболее пострадавшими являются оборот розничной торговли (–9,9%), оборот общественного питания (–18,4%), объем строительных работ (–9,2%). Реальная заработная плата (с учетом индекса потребительских цен) за 2020 год увеличилась на 2,8% на фоне роста цен на товары и услуги на потребительском рынке Волгоградской области на 4,9% к декабрю 2019 г. [Анализ социально-экономического..., 2020].

Индикатором экономического развития территорий всегда выступали предпринимательские структуры, особенно малые и средние, которые являются наиболее чувствительными к конъюнктуре развития местной экономики и условиям ведения бизнеса. Оборот организаций по видам экономической деятельности уменьшился в 2020 г. на 8,2% относительно 2019 г. А количество организаций, занимающихся различными видами экономической деятельности, сократилось с 38 344 в 2020 г. до 35 512 на 01.01.2021 г. За 2020 г. количество индивидуальных предпринимателей, прошедших государственную регистрацию, снизилось на 13,0% (на 3,6 тыс.) по сравнению с 2019 г. и составило 24,2 тыс.

Приоритетом занятости индивидуальных предпринимателей на протяжении ряда лет оставалась оптовая и розничная торговля (37,6% от общего количества индивидуальных предпринимателей). Вместе с тем, с начала 2020 г. в сфере торговли отмечен наибольший отток занятости индивидуальных предпринимателей (–1,8 тыс. предпринимателей) [Анализ социально-экономического..., 2020].

Сокращение количества коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей отражается в первую очередь на налогооблагаемой базе. Объем налоговых и неналоговых доходов, поступивших в бюджет Волгограда в 2020 г., составил 7632,7 млн рублей, что на 3,5% меньше, чем в 2019 г. Налоговые доходы бюджета Волгограда составили 5955,1 млн рублей (на 48,8 млн рублей больше 2019 г.), неналоговые доходы бюджета Волгограда – 1677,6 млн. рублей (на 324,9 млн рублей меньше 2019 г.). Динамика поступлений налоговых и неналоговых доходов в бюджет Волгограда представлена в таблице 1.

Таблица 1. Налоговые и неналоговые доходы г. Волгоград, тыс. руб.

Наименование показателя	2019 год	2020 год	Темп роста / снижения, %
Налоговые доходы	5 906 300,6	5 955 138,9	100,8
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	3 235 949,2	3 518 867,8	108,7
Акцизы	75 772,5	66 102,0	87,2
УСНО	160 817,4	158 450,1	98,5
Единый налог на вмененный доход для отдельных видов деятельности	523 359,6	403 711,7	77,1
Единый сельскохозяйственный налог	8 257,0	8 648,7	104,7
Налог, взимаемый с применением патентной системы	12 835,7	9 788,2	76,3
Налог на имущество физических лиц	416 575,2	354 043,7	85,0
Земельный налог	1 286 455,3	1 251 192,8	97,3
Государственная пошлина	186 298,1	184 336,2	98,9

Наименование показателя	2019 год	2020 год	Темп роста / снижения, %
Отмененные налоги и сборы	-19,4	-2,3	11,9
Неналоговые доходы	2 002 477,3	1 677 555,0	83,8
Арендная плата за земли	775 283,7	705 564,7	91,0
Доходы от аренды имущества	4,3	790,6	в 183,9 р.
Доходы от аренды имущества казны	145 687,8	107 627,5	73,9
Доходы от реализации имущества	190 591,7	160 437,4	84,2
Доходы от продажи земельных участков	165 484,7	100 716,0	60,9
Доходы от размещения рекламных конструкций	80 308,7	73 973,5	92,1
Плата за право на размещения нестационарного объекта	135 886,6	122 259,7	90,0
Другие неналоговые доходы (доходы от прибыли МУП, плата за пользование природными ресурсами, доходы от оказания платных услуг, штрафы, санкции, возмещение ущерба, прочие неналоговые доходы)	509 229,8	406 185,6	79,8
Всего налоговые и неналоговые доходы	7 908 777,9	7 632 693,9	96,5

Источник: Анализ социально-экономического..., 2020.

Как видно из Таблицы 1, в 2020 г. отмечено снижение практически всех видов неналоговых доходов по сравнению с показателями 2019 г.

Сокращение количества организаций также сильно влияет на уровень безработицы. Численность безработных, состоящих на учете в Центре занятости населения г. Волгограда, увеличилась в 5,9 раз по сравнению с 2019 г. и составила на 1 января 2021 г. 13 269 человек. Рискнем предположить, что этот показатель выше, так как он не включает в себя незарегистрированных безработных, а также людей, имеющих сезонные заработки. Сокращение количества работающих организаций влечёт за собой рост безработицы и, как следствие, усиление оттока трудоспособного населения в другие регионы в поисках работы.

За 2020 г. число родившихся волгоградцев уменьшилось на 711 человек по сравнению с 2019 г. и составило 8061 ребенка. Число умерших, напротив, возросло на 2589 человек и составило 15 302 человека, что превысило число родившихся в 1,9 раза. Естественная убыль населения увеличилась до 7241 человека против 3941 человека за 2019 г. [Анализ социально-экономического..., 2020]. Миграционный прирост частично компенсировал естественную убыль. Естественно, что 2020 год является уникальным в связи с напряженной санитарно-эпидемиологической обстановкой и не может рассматриваться как показательный, но сокращение населения г. Волгограда имеет долгосрочный тренд и только усугубилось в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Результаты исследования

Вопросы анкеты были направлены на выявление причин, заставляющих жителей г. Волгограда оставаться в нем. На вопрос об отношении к перспективам проживания в Волгограде и Волго-

градской области только 27,3% указали, что не собираются менять место жительства (рис. 2). Желание покинуть родной регион, не имея возможности, выразили 44,7%, а 27,3% опрошенных планируют уехать в ближайшем будущем. Настораживает тот факт, что в подавляющем большинстве желание уехать доминирует даже несмотря на отсутствие опыта проживания в другом городе, что может свидетельствовать о неблагоприятном имидже региона в информационном поле.

Рисунок 2. Собираетесь ли Вы в ближайшее время менять место жительства? *Источник:* оценки авторов.

На вопрос о причинах, удерживающих от смены места жительства (можно было выбрать не более пяти вариантов), самым популярным был вариант об отсутствии материальной возможности и зависимости от родителей/супруга (табл. 2). Следующими по важности статистически значимыми причинами выступили: наличие друзей и знакомых (29,6%), необходимость ухода за родственниками и близкими (23,1%), боязнь перемен (22,8%) и нежелание уезжать в одиночку (18,7%). Учитывая возрастную категорию, совершенно ожидаемо, что часть респондентов (6,5%) связывают свои планы по смене места жительства с окончанием учебы на текущей форме обучения.

Чуть менее половины респондентов (42,4%) ответили о наличии трудоустройства, но при этом на то, что наличие работы является причиной, удерживающей от переезда в другой город,

Таблица 2. Причины, удерживающие от смены места жительства

Причина		% ответов
Экономические причины	Отсутствие материальной возможности и зависимость от родителей/супруга	46,5
	Наличие хорошо оплачиваемой работы	12,8
	Меня все устраивает/есть все необходимое	14,3
Социально-психологические причины	Боязнь перемен	22,8
	Нежелание уезжать в одиночку, нет компании/единомышленника для переезда	18,7
	Необходимость ухода за родственниками и близкими	23,1
	Наличие друзей и знакомых	29,6
	Отсутствие альтернативы / везде примерно одинаково	9,9
	Учеба	6,5

Источник: оценки авторов.

указали только 12,7% респондентов. В рамках опроса для студентов, помимо указания роли учащегося, была предусмотрена возможность указания альтернативного профессионального статуса. Большая часть из опрошенных работающих задействована в бюджетной сфере, однако, исходя из результатов опроса, отношение к уровню дохода в этой сфере не позволяет говорить о наличии благоприятных условий рынка труда в регионе. Так, подавляющее большинство опрошенных оценили свое благосостояние как среднее или ниже среднего (рис. 3).

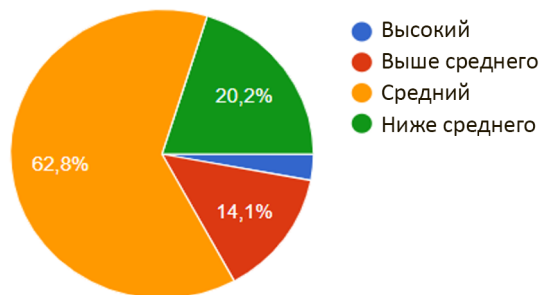

Рисунок 3. Как Вы оцениваете уровень Вашего благосостояния? *Источник:* авторский.

На вопрос о том, является ли регион местом, которое респонденты могли бы рекомендовать для проживания, отрицательно ответили 61,5%. При этом 51,7% опрошенных готовы рекомендовать регион как место для туризма. Готовность местных жителей рекомендовать Волгоград для путешествий может свидетельствовать о сохранении в регионе мест туристической привлекательности и высоком потенциале для развития данного сектора региональной экономики [Волков, 2019].

На основе полученных данных можно утверждать, что волгоградский студент находится в поисках путей миграции, однако не всегда имеет возможность переехать на постоянное место жительства в другие регионы. Анализ ответов показывает, что основными причинами, удерживающими студентов сжимающихся городов от смены места жительства, являются экономические: отсутствие материальной возможности и зависимость от родителей/супруга. На втором месте по значимости находятся социальные причины: наличие друзей и знакомых и стремление к сохранению социальных связей (семья, друзья, родственники). В отдельных случаях наличие устойчивых социальных связей в месте постоянного проживания может доминировать над экономической целесообразностью, что, однако, может меняться в зависимости от жизненного цикла людей и их социального статуса.

Обсуждение и рекомендации

Полученные в ходе настоящего исследования данные свидетельствуют о высоком миграционном настрое студентов г. Волгограда как сжимающегося города. Выделенные нами причины, побуждающие их оставаться в сжимающихся городах, коррелируют с описанной ранее типологией причин: экономические [Andersen, van Kempen, 2003], социально-бытовые [Partridge et al., 2007] и психологические [Coulton et al., 2012].

Наличие хорошо оплачиваемой работы и приемлемый уровень дохода (выше среднего и высокий) являются причиной, которая объясняет желание жителей остаться в городе, а также их потенциальный отъезд, если работа или лучшие условия труда могут быть найдены в другом месте. Таким образом, настоящее исследование подтверждает первостепенность экономических

причин оседлости в сжимающихся городах и необходимость реализации адекватной и системной экономической политики, способствующей инновационному развитию территорий.

Устойчивые социальные связи и привязанность к месту проживания являются доминирующими социальными причинами оседлости для жителей сжимающихся городов. Нежелание и психологическая неготовность разрывать тесные социальные контакты заставляют жителей сжимающихся городов, в том числе в ущерб экономической целесообразности, оставаться в городах. Однако данная причина тесно коррелирует с экономическими и институциональными причинами. Неразвитость рынков съемного жилья, высокие бюрократические барьеры (необходимость оформления временной регистрации, регистрации в социальных учреждениях, ряда документов и пр.) и асимметрия доступа к информации о рынке труда (эффект кумовства и горизонтальных связей) делают переезд в другой город/регион проблематичным. Таким образом, создаются искусственные барьеры для межтерриториальной миграции, что сдерживает процесс «сжатия» городов.

В свете проведенного исследования можно предположить, что дальнейший отток населения со временем приведет к существенным социально-экономическим сдвигам, усугубив последствия «сжатия». Снизится доля молодежи, особенно наиболее квалифицированной ее части. С уходом молодежи, имеющей востребованные профессиональные навыки, уменьшатся доходы организаций и покупательский спрос населения, возрастет социальная напряженность. Кроме того, вырастет пенсионная нагрузка как на бюджет, так и на население.

Неожиданный эффект может дать улучшение экономических показателей региона. Поскольку сейчас часть активного населения удерживается от миграции только экономическими обстоятельствами, то улучшение их материального положения может стать причиной массовой миграции, поскольку слишком длительный процесс регрессии уже создал стереотипное представление о депрессивном образе региона. Социальные связи, которые, как было установлено в исследовании, являются сдерживающей причиной миграции, могут рассматриваться лишь как инструмент приспособления к существующей экономической ситуации, но, учитывая мобильность молодежи и отличие поколенческих ценностных характеристик, не могут рассматриваться как неизменные.

Выявленная в исследовании причина вынужденной оседлости активной части населения может проявляться в разных социальных практиках, которые могут не фиксироваться в количественных показателях, однако отражать общий характер неудовлетворенности текущим положением. На наш взгляд, в целом будет изменяться отношение к региону как к дому, что может выражаться в общей пассивности в политической, социальной и других сферах общественной жизни.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 21-18-00271 «Логика, институты и стратегии развития «сжимающихся» старопромышленных городов: синтез гетеродоксальных подходов».

Библиография

Аверьянов А.О., Питухина М.А., Симакова А.В. (2021) Миграционный отток выпускников региональных школ // Непрерывное образование: XXI век: 3(35): 112-31. <http://doi.org/10.15393/j5.art.2021.7052>

- Варшавская Е.Я., Чуудиновских О.С. (2014) Миграционные планы выпускников региональных вузов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика: 3: 36-58. URL: <https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=14958&p=attachment>
- Волков С.К. (2019) Современное состояние туристской сферы Волгоградской области: тенденции развития и точки роста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика: 2: 199-204. URL: http://dspace.bs.u.edu.ru/bitstream/123456789/28844/1/Volkov_Sovremennoye.pdf
- Гильтман М.А., Пить В.В., Батырева М.В., Сумик Е.А. (2020) В каких городах нам нравится жить? Эмпирический анализ отношения занятых к городам // Журнал Новой экономической ассоциации: 1(45): 111–30. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-4>
- Зубаревич Н.В. (2001) Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // Вестник Евразии: 1: 5-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarizatsiya-gorodov-rossii-kak-sledstvie-krizisa-90-h-godov>
- Зубаревич Н.В., Макаренцева А.О., Мкртчян Н.В. (2020) Социально-экономическое положение регионов и демографические итоги 2019 г. (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России: 4: 73-87. URL: http://www.edrussia.ru/images/pdf/2020/04/Red_0420.pdf
- Клячко Т., Семионова Е. (2018) Трудовая миграция: взгляд молодежи // Экономическое развитие России: 12: 53-62. URL: http://www.edrussia.ru/images/pdf/2018/12/Red_1218.pdf
- Мкртчян Н.В. (2017) Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: 1: 225-42. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>
- Нефедова Т.Г., Мкртчян Н.В. (2017) Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География: 5: 58-67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-selskogo-naseleniya-i-dinamika-selskohozyaystvennoy-zanyatosti-v-regionah-rossii>
- Одинцов А.В., Шипицин А.И., Марченко А.Ю. (2020) Центристская миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: 3(157): 336-54. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>
- Шарова Е.Н. (2015) Миграционные установки молодежи Мурманской области // Проблемы развития территории: 3 (77): 88-103. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnye-ustanovki-molodezhi-murmanskoy-oblasti>
- Amin A., Thrift N. (1994) *Globalization, Institutions and Regional Development in Europe*. Oxford University Press, Oxford.
- Andersen H.T., van Kempen R. (2003) New trends in urban policies in Europe: Evidence from the Netherlands and Denmark // *Cities*: 20(2): 77–86. [https://doi.org/10.1016/S0264-2751\(02\)00116-6](https://doi.org/10.1016/S0264-2751(02)00116-6)
- Armstrong H., Harvey T. (2000) *Regional Economics and Policy*. X Blackwell Publishers, Oxford.
- Arnott R.D., Chaves D.B. (2012) Demographic changes, financial markets, and the economy // *Financial Analysts Journal*: 68(1): 23–46. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1810985
- Bartholomae F., Woon Nam C., Schoenberg A. (2017) Urban shrinkage and resurgence in Germany // *Urban Studies*: 54(12): 2701-18. <http://doi.org/10.1177/0042098016657780>
- Bassett S.T. (2017) Towards a unified economic revitalisation model: Leadership, amenities, and the bargaining model // *Urban Studies*: 54(4): 917-30. <https://doi.org/10.1177/0042098015614482>
- Brown B., Perkins D.D., Brown G. (2003) Place attachment in a revitalizing neighborhood: Individual and block levels of analysis // *Journal of Environmental Psychology*: 23(3): 259–71. [https://doi.org/10.1016/S0272-4944\(02\)00117-2](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00117-2)
- Cattaneo A., Robinson S. (2020) Multiple moves and return migration within developing countries: A comparative analysis // *Population, Space and Place*: 26(7): 23-35. <https://doi.org/10.1002/psp.2335>

- Chen W.Y., Jim C.Y. (2010) Amenities and disamenities: A hedonic analysis of the heterogeneous urban landscape in Shenzhen (China) // *The Geographical Journal*: 176(3): 227–40. <http://doi.org/10.1111/j.1475-4959.2010.00358.x>
- Cheshire P.C., Magrini S. (2006) Population growth in European cities: Weather matters – but only nationally // *Regional Studies*: 40(1): 23–37. <http://doi.org/10.1080/00343400500449259>
- Couch C., Cocks M. (2013) Housing vacancy and the shrinking city: Trends and policies in the UK and the city of Liverpool // *Housing Studies*: 28(3): 499–519. <http://doi.org/10.1080/02673037.2013.760029>
- Coulton C., Theodos B., Turner M. A. (2012) Residential mobility and neighborhood change: Real neighborhoods under the microscope // *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*: 14(3): 55–89. URL: <https://www.jstor.org/stable/41958940>
- Delken E. (2008) Happiness in shrinking cities in Germany // *Journal of Happiness Studies*: 9: 213–8. <http://doi.org/10.1007/s10902-007-9046-5>
- Grossmann K., Haase A., Rink D., Steinführer A. (2008) Urban Shrinkage in East Central Europe? Benefits and Limits of a Cross-National Transfer of Research Approaches. In: M. Novak, M. Nowosielski (eds.) *Declining Cities / Developing Cities: Polish and German Perspectives*. Instytut Zachodni, Poznań. P.77–99. URL: https://www.researchgate.net/publication/242219158_Urban_Shrinkage_in_East_Central_Europe_Benefits_and_Limits_of_a_Cross-National_Transfer_of_Research_Approaches
- Grzeskowiak S., Sirgy M.J., Widgery R. (2003) Residents' satisfaction with community services: Predictors and outcomes // *The Journal of Regional Analysis and Policy*: 33(2): 1–36. <http://doi.org/10.22004/ag.econ.132251>
- Guimarães M.H., Nunes L.C., Barreira A.P., Panagopoulos T. (2016) What makes people stay in or leave shrinking cities? An empirical study from Portugal // *European Planning Studies*: 24(9): 1684–708. <http://doi.org/10.1080/09654313.2016.1177492>
- Harvey D. (1989) *The Conditions of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Blackwell Publishers, Oxford. URL: <https://files.libcom.org/files/David%20Harvey%20-%20The%20Condition%20of%20Postmodernity.pdf>
- Hidalgo M.C., Hernandez B. (2001) Place attachment: Conceptual and empirical questions // *Journal of Environmental Psychology*: 21(3): 273–81. <http://doi.org/10.1006/jevps.2001.0221>
- Hollander J.B. (2011) Can a city successfully shrink? Evidence from survey data on neighborhood quality // *Urban Affairs Review*: 47(1): 129–41. <http://doi.org/10.1177/1078087410379099>
- Hospers G.-J. (2013) Coping with shrinkage in Europe's cities and towns // *Urban Design International*: 18: 78–89. <https://doi.org/10.1057/udi.2012.29>
- Hospers G.-J. (2014) Policy responses to urban shrinkage: From growth thinking to civic engagement // *European Planning Studies*: 22(7): 1507–23. <http://doi.org/10.1080/09654313.2013.793655>
- Kabisch S., Grossmann K. (2013) Challenges for large housing estates in light of population decline and ageing: Results of a long-term survey in East Germany // *Habitat International*: 39: 232–9. <http://doi.org/10.1016/j.habitatint.2012.12.003>
- Marta J., Fauzi A., Juanda B., Rustiadi E. (2020) Understanding migration motives and its impact on household welfare: evidence from rural–urban migration in Indonesia // *Regional Studies, Regional Science*: 7(1): 118–32. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1746194>
- Martinez-Fernandez C., Audirac I., Fol S., Cunningham-Sabot E. (2012) Shrinking Cities: Urban Challenges of Globalization // *International Journal of Urban and Regional Research*: 36(2): 213–25. <http://doi.org/10.1111/j.1468-2427.2011.01092.x>
- Massey D. (1979) In What Sense a Regional Problem? // *Regional Studies*: 13(2): 233–43. <http://doi.org/10.1080/09595237900185191>
- Pallagst K.M., Schwarz T., Popper F.J., Hollander J.B. (2009) Planning shrinking cities // *Progress in Planning*: 72(4): 223–32. URL: https://www.researchgate.net/publication/228125028_Planning_Shrinking_Cities
- Partridge M., Bollman R.D., Olfert M.R., Alasia A. (2007) Riding the wave of urban growth in the countryside: Spread, backwash, or stagnation? // *Land Economics*: 83(2): 128–52. URL: <https://www.jstor.org/stable/27647757>

- Rabušic L. (2001) Value Changes and Demographic Behaviour in Czech Republic // *Czech Sociological Review*: 9(1): 99–122. URL: <https://www.jstor.org/stable/41133175>
- Reckien D., Martinez-Fernandez C. (2011) Why do cities shrink? // *European Planning Studies*: 19(8): 1375–97. <http://doi.org/10.1080/09654313.2011.593333>
- Royuela V., Moreno R., Vayá E. (2010) Influence of quality of life on urban growth: A case study of Barcelona, Spain // *Regional Studies*: 44(5): 551–67. <http://doi.org/10.1080/00343400802662682>
- Silverman R.M. (2018) Rethinking shrinking cities: Peripheral dual cities have arrived // *Journal of Urban Affairs*: 42(3): 294–311. <http://doi.org/10.1080/07352166.2018.1448226>
- Solow R.M. (1956) A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economics*: 70(1): 65–94. <https://doi.org/10.2307/1884513>
- Steinführer A., Bierzynski A., Grossmann K., Haase A., Kabisch S., Klusáček P. (2010) Population decline in Polish and Czech cities during post-socialism? Looking behind the official statistics // *Urban Studies*: 47(11): 2325–346. <http://doi.org/10.1177/0042098009360224>
- Tiebout C. (1956) A Pure Theory of Local Expenditures // *Journal of Political Economy*: 64(5): 416–24. URL: <https://www.jstor.org/stable/1826343>
- van den Berg L., Drewett R., Klaasen L.H., Rossi A., Vijverberg C.H.T. (1982) *Urban Europe: A Study of Growth and Decline*. Pergamon Press, Oxford.
- van der Waal J., Burgers J. (2011) Post-Industrialisation, Job Opportunities and Ethnocentrism: A Comparison of Twenty-two Dutch Urban Economies // *Urban Studies*: 48(4): 681–97. URL: <http://www.jstor.org/stable/43080341>
- Waltert F., Schläpfer F. (2010) Landscape amenities and local development: A review of migration, regional economic and hedonic pricing studies // *Ecological Economics*: 70(2): 141–52. <http://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2010.09.031>
- Zaidi B., Morgan S.P. (2017) The Second Demographic Transition Theory: A Review and Appraisal // *Annual Review of Sociology*: 43(1): 473–92. <http://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053442>

Другие источники информации

- Анализ социально-экономического развития Волгограда (2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volgadmin.ru/file/IgOMk7>
- Постановление Волгоградской областной Думы от 11 марта 2010 г. N 20/652 «О включении в состав города Волгограда населенных пунктов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/volga/235959/#ixzz6vD4AxYFE>

Сведения об авторах

- Акимова Ольга Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, 400005, Россия. Email: akimovann25@mail.ru
- Волков Сергей Константинович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, 400005, Волгоград, Россия. Email: ambiente2@rambler.ru
- Ефимов Евгений Геннадиевич — доктор социологических наук, профессор кафедры «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет, 400005, Волгоград, Россия. Email: ez07@mail.ru